Локи уже назвал им ряд веских причин. То, что они отказались признать эти причины, больше не было его проблемой. Он не питал иллюзий по поводу своей верности. В конце концов он предаст их всех в тот или иной момент. Танос либо соберет Камни самостоятельно, либо захватит Локи и заставит его собрать их для него. Тогда Локи стал бы орудием разрушения Вселенной. Вина за это знание лежала тяжким грузом на его плечах.

[Многие погибли во время его стремления обрести нашу силу, говорили Камни. Еще больше погибнет, если он достигнет своей цели. Эти смерти не зависят от тебя. Когда мы объединимся, мы сможем сделать так, чтобы Титан никогда не преуспел в своей миссии.]

Такое заверение не избавило его от чувства вины за события, которые еще не произошли. Чувствуя, как из него уходит вся борьба, Локи сказал: "Я не знаю, что я должен делать". Он полагал, что это не имеет значения. Он был лишь объектом для использования, у него не было собственной воли. То, что он мог выдавать себя за цивилизованного индивидуума, было удивительно. Разве он не был просто зверем без собственной воли.

[Не думай о себе так, — наставляли Камни. Ты не животное и не просто объект для использования.]

"Ты считаешь, что нет способа искупить вину после того, что произошло в Нью-Йорке", — сказала Романов. "Я знаю, что это за чувство, что я никогда не смогу ничего сделать, чтобы искупить вину за те жизни, которым я причинила боль, но, хотя эти действия никогда нельзя будет исправить, я больше не должна руководствоваться ими. Безжалостный убийца - это больше не тот, кто я есть. Ты тоже не обязан быть тем, во что тебя превратили. Если ты будешь продолжать верить, что ты не более чем оружие, в которое они тебя превратили, тогда они победили".

"Если ты действительно хочешь им насолить, — добавил Старк, — то расскажи нам все, что ты знаешь о Таносе и его армии".

Локи знал, что они правы. Он не хотел быть орудием разрушения Таноса, не хотел быть причиной гибели Иггдрасиля, и он сделает все возможное, чтобы этого не случилось. Он вдохнул, и когда он выдохнул, большая часть его тревоги ушла вместе с этим. На ее место пришла решимость.

Он бросил последний взгляд вверх, на расположение оставшихся Камней Бесконечности. Он посмотрел на свою семью, затем на своих врагов, ставших потенциальными союзниками. "Хорошо." Два Камня, парящие вокруг него, осели на ладони одной руки. Чувство комфорта, которого он не испытывал уже целую вечность, охватило его. "Ты должен сесть", — сказал Локи, — "и сделать заметки".

К концу ночи Локи был измотан до невозможности. Он рассказал все, что мог, прежде чем потерял способность говорить. Ему еще многое нужно было им рассказать, и он знал, что, сколько бы он этого ни делал, всегда найдется что-то, о чем он забыл.

Он знал, что ему отчаянно нужен отдых, ведь только увидев свои старые комнаты, он понял, что его изначально вели в этом направлении. Он стоял на пороге в каком-то оцепенении. "Почему здесь?" - спросил он, когда его сознание пришло в себя.

"А где еще ты мог бы оказаться?" - спросила его мать. Ответ должен был быть очевидным, и она вздохнула. "Мы не собираемся помещать тебя обратно в камеру", — сказала она. "У нас нет причин для этого".

Локи слишком устал, чтобы спорить, и просто кивнул. Они переступили порог, и Локи ощутил странное чувство. Он не смог бы объяснить, что он почувствовал, когда снова увидел свои покои. Они выглядели нетронутыми, как будто он покинул их только накануне, а не более года назад. Даже его парадная накидка лежала там, где он небрежно бросил ее после испорченной коронации Тора.

"Хочешь, мы останемся с тобой ненадолго?" - спросил отец.

Локи не был уверен. Он хотел побыть один, но в то же время боялся этого. Камни, которые продолжали следовать за ним, издавали успокаивающие звуки.

"Я думаю, мне лучше побыть немного одному, если ты не против", — ответил он.

К его облегчению, никто из его родителей не стал спорить, хотя оба заверили его, что придут, если их попросят. Как только за ним закрылась дверь, он направился в свою спальню. В комнате мерцал огонек свечи и горел теплый огонь, создавая уютную атмосферу. Локи не считал, что не заслуживает этого.

Знакомая обстановка, комфорт собственной постели, все в этих комнатах, кричащих о его доме, было почти ошеломляющим. Он никогда не думал о том, чтобы вернуться сюда или быть принятым снова. Он даже не был асом, и все же...

Против его воли слезы начали падать. Пальцы Локи пробежались по мягким мехам и шелкам, из которых были сделаны постельные принадлежности. Как и в библиотеке, в них он находил расслабление и утешение. Он лег, прижимая к себе подушку и прижимаясь к ней лицом, пытаясь заглушить рыдания. Его тело сотрясалось от рыданий, но он никак не мог заставить их прекратиться.

Локи не знал, как долго он прорыдал, но когда он наконец перестал, хотя он был еще более измучен, чем раньше, но, как ни странно, чувствовал себя лучше, как будто с него сняли какой-то груз. Камни продолжали парить рядом, пока он плакал, и посылали ему импульсы поддержки и тепла.

Сделав несколько долгих глубоких вдохов, Локи заставил свое тело расслабиться. Казалось, он еще больше погрузился в постель, став совсем тощим, от усталости ему казалось, что он сейчас просто рухнет. Неужели это делают Камни? спросил он.

Ты устал, — ответили Камни, — и у тебя все болит.

Леди Эйр обо всем позаботилась. Локи был слишком уставшим, чтобы отвечать устно, и ему было уже все равно, что Камни, похоже, связаны с его разумом. Его глаза закрылись.

[Мы имеем в виду боль твоего сердца.]

Ему не хотелось зацикливаться на своих эмоциональных потрясениях. Он ненавидел себя за то, что был настолько слаб, что не мог держать свои эмоции под контролем. Он наконец-то освободился из Убежища и от Таноса, и с ним все должно быть в порядке. У него не было причин вести себя так, будто что-то случилось.

Нельзя насильно изменить свои чувства, говорили Камни, и чувствовать себя так, как чувствуешь, тоже неправильно. Отдыхай, родной, скоро все станет лучше.

Уже закрыв глаза и чувствуя расслабление и комфорт, которые дарили два Камня, бдительно

охранявшие его, Локи позволил сну окончательно овладеть им.

_____

Фригга остановилась на полуслове, положив щетку для волос на колени. Что-то подсказывало ей, что есть место, где ей нужно быть.

"Фригга?" спросил Один, оторвавшись от пергаментов, которые, как она знала, он на самом деле не читал. "Что-то случилось?"

"Нет", — ответила она, положив кисть на свое тщеславие. "Все в порядке, но... есть кое-что, что мне нужно проверить".

Встав, она накинула на плечи халат и, по непонятной причине, взяла в руки одеяло, которое не так давно сплела.

Муж смотрел, как она уходит, а она направилась по коридорам к спальням своих детей. Она слышала голоса в общей зоне между комнатами Тора и Локи. Они были довольно тихими, но она могла разобрать вопросы, которые мидгардцы все еще задавали Тору.

Она прошла мимо них к другим двойным дверям. Она постояла перед ними мгновение, прежде чем осторожно открыть их. Окружающая комнату защита узнала ее и легко пропустила внутрь. Ее сердце начало бешено биться в груди, и она испытала внезапный страх, когда подошла к спальне. Страх и тревога улеглись, когда ее взгляд упал на лежащую на кровати фигуру.

Фригга замерла на мгновение, любуясь спящим сыном. Локи лежал, свернувшись калачиком на одеяле, обхватив руками одну из подушек. Два Камня Бесконечности висели рядом с ним, словно бдительно охраняя его.

Она подошла к кровати и откинула одеяло, затем осторожно сняла с Локи ботинки. Она с нежностью покачала головой: было немало случаев, когда она заставала его заснувшим в полном одеянии из-за того, что он слишком долго занимался и проигрывал битву с усталостью. Отложив сапоги в сторону, она развернула одеяло и осторожно накинула его на него. Она не могла не провести пальцами по его длинным волосам. Локи зашевелился, его веки слегка дрогнули. "Мама?"

"Все в порядке, дорогой, — успокаивала она, — спи".

Локи сразу успокоился. Фригга долго сидела так, перебирая пальцами его волосы и время от времени проводя большим пальцем по его острой щеке. Локи иногда прижимался к ее руке, затем издавал удовлетворенный вздох и снова успокаивался. В конце концов, он выпутался из клубка, в котором она его нашла, и она поправила одеяло вокруг него.

Фригга была так поглощена наблюдением за Локи, что не сразу заметила, что в комнату вошел кто-то еще. Она вздрогнула, когда муж положил руку ей на плечо. В его глазах отражалось облегчение, когда он смотрел на их сына.

"Он дома, Фригга", — прошептал Один. "Он в безопасности и со временем полностью поправится. Мы будем здесь, чтобы помочь и поддержать его во всем, в чем он нуждается. Но я считаю, что больше всего на свете ему нужна мать".

Она кивнула, наклонив голову, чтобы на мгновение прильнуть к его руке. Локи был не единственным среди них, кому требовалось время на исцеление. У всей семьи были раны,

которые требовали лечения, и, хотя ей хотелось бы использовать свою силу для мгновенного исцеления этих ран, она знала, что это невозможно.

Фригга понимала, что не может оставаться у постели Локи всю ночь, ему будет очень неловко, если он увидит, что она наблюдает за ним. Она наклонилась, чтобы поцеловать его в висок, затем снова поправила на нем одеяло, встала и вышла вслед за мужем из комнаты.

Когда они оказались в своих покоях, ее зрение затуманилось, а на глаза навернулись слезы. С тех пор как Локи впервые был обнаружен в Мидгарде, она не позволяла себе почувствовать настоящее облегчение. Когда Локи был возвращен в Асгард и помещен в темницу, она изо всех сил пыталась понять мотивы своего сына и то, что так изменило его. То, что ее сын считал события в Мидгарде искусной иллюзией, дало ей надежду на то, что ее мальчик все еще там, что ее Локи - не одичавший зверь, каким он казался.

Один обнял ее и прижал к себе, пока она плакала от облегчения и радости. Под облегчением скрывалось чувство вины. "Мы должны были защищать его лучше".

Один вздохнул, крепко обнимая ее. "Я снова и снова прокручиваю в голове тот день, когда он упал. Если бы я смог подольше противостоять сну Одина, возможно, ничего бы этого не случилось".

Она отстранилась и вытерла глаза. "Мы должны были сказать ему правду много лет назад".

"Ты знаешь, что люди говорят о Ётунах. Я никогда не хотел, чтобы к нему относились с таким предубеждением. Он всю жизнь слышал, как воины плохо отзываются о них, если бы мы сказали ему, когда он был ребенком, он знал бы только то, что Асгард презирает Ётунхейм"

"Теперь он это знает", — сказала Фригга. "Это мы должны были сказать ему, а не он... как бы там ни было, он узнал правду".

"В этом я согласен".

Она полностью вырвалась из объятий мужа. "Что нам делать, Один?"

Ее муж вернулся в свое кресло, но не обратил внимания на пергаменты, лежащие на столе. "Хотел бы я знать. Я никогда не думал, что это станет проблемой".

"Ты никогда не хотел, чтобы Локи узнал о своем происхождении".

"Разве я был не прав? Посмотри на все, что произошло. Сколько бы всего изменилось, если бы он не мучился от осознания своего родства, пока правил вместо меня?"

"Ты должен был сказать мне, что он узнал правду. Возможно, тогда..."

"Фригга, что сделано, то сделано. Мы не можем изменить это, но мы можем помочь ему принять, что его происхождение ничего не меняет в том, кто он есть".

"И как ты собираешься это сделать?"

Единственный глаз Одина бросил короткий взгляд на свою руку, а затем снова встретился с ее взглядом. " У меня есть идея".